

Врач. Чиновник. Профлидер

Глава Мособкома профсоюза работников здравоохранения — о вкусе к работе и жизни

В школьные годы он любил историю как предмет, а сейчас и сам создает новую историю одной из крупнейших общественных организаций Подмосковья. Много лет посвятил спасению человеческих жизней, теперь же помогает людям решать проблемы в жизни профессиональной. На вопросы журнала ответил председатель Московской областной организации профсоюза работников здравоохранения РФ Анатолий ДОМНИКОВ.

О ЛЮБВИ, БАЯНЕ И СПРИНТЕ

— Анатолий Иванович, читая вашу профессиональную биографию, кажется, что вся ваша жизнь принадлежит Подмосковью. Мытищи — это ваш родной город?

— И да, и нет. Я родился в Жиздринском районе Калужской области, в деревушке неподалеку от станции Судимир. Туда мой отец, инженер по обслуживанию сельскохозяйственной техники, попал по распределению после института. И там же он познакомился с будущей моей мамой, жившей в соседнем поселке. Она работала бухгалтером одной из моторизованных станций, которую через пару лет возглавил мой отец. Там я прожил до семи лет, и воспоминания, которые остались у меня с той поры, в основном связаны с природой. Я очень хорошо понимаю и люблю лес, знаю грибы и умею их искать. В детстве я это делал виртуозно! Помню, мне очень нравилось носиться по окрестностям, ходить на рыбалку. Представляете, что такое для мальчишки-дошколенка первая, пойманная лично им, рыба!

Но потом наша жизнь изменилась: папа поступил в аспирантуру, уехал в Москву, а позже решил остаться в

Биография

ДОМНИКОВ Анатолий Иванович, председатель Московской областной организации профсоюза работников здравоохранения РФ. Родился 22 марта 1959 года в Калужской области.

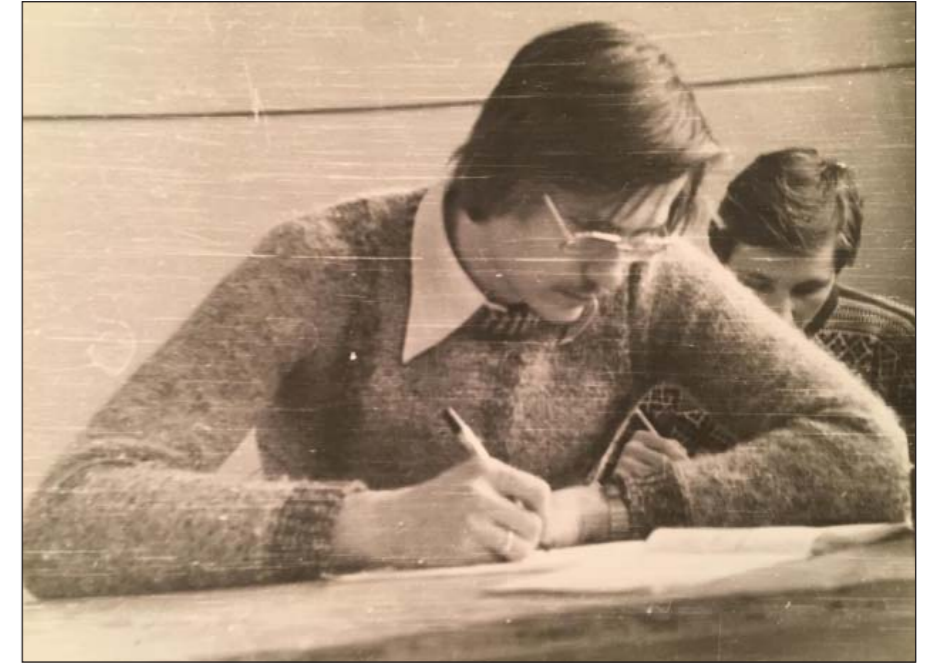
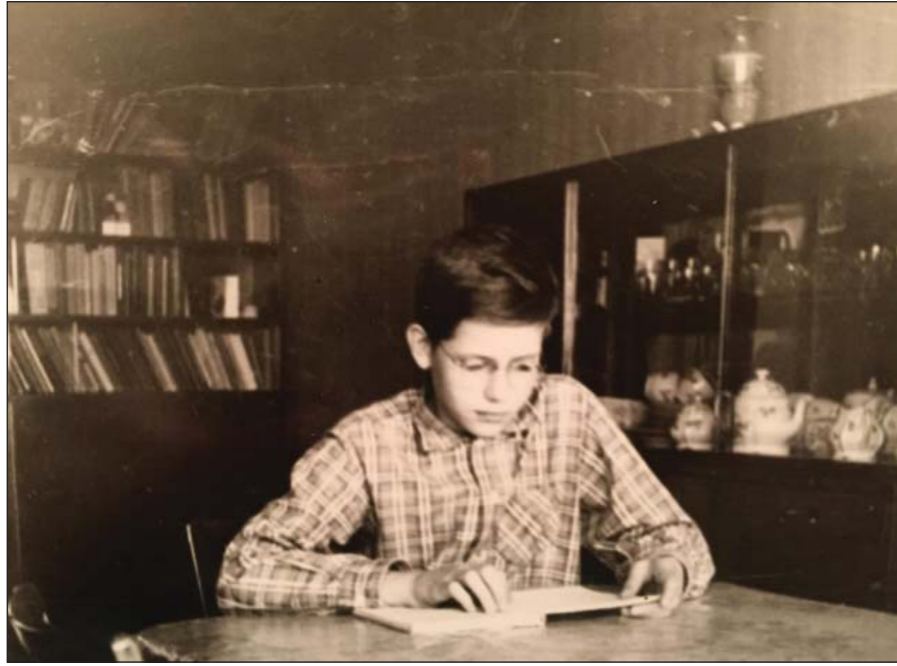
Образование:

в 1985 году окончил педиатрический факультет 2-го Московского ордена Ленина государственного медицинского института по специальности «педиатрия»; **в 1987 году** окончил клиническую ординатуру в Московском областном научно-исследовательском клиническом институте (МОНКИ) по специальности «педиатрия»; **в 1996 году** защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук; **в 2007 году** окончил Российскую академию госслужбы по специальности «государственное и муниципальное управление»; **в 2011 году** окончил Академию труда и социальных отношений (АТиСО) по специальности «менеджмент общественной организации».

Профессиональная деятельность:

1987–1988 гг. — врач-ординатор МОНКИ;
1988–1990 гг. — младший научный сотрудник МОНКИ, зам. секретаря, секретарь комитета ВЛКСМ МОНКИ;
1990–1993 гг. — научный сотрудник МОНКИ;
1993–1995 гг. — старший научный сотрудник МОНКИ.
1995–1996 гг. — зав. педиатрическим отделением МОНКИ;
1996–1997 гг. — главный педиатр в Главном управлении здравоохранения администрации Московской области;
1997–2001 гг. — начальник отдела здравоохранения администрации Мытищинского муниципального района;
2001–2006 гг. — начальник управления здравоохранения администрации Мытищинского муниципального района, председатель координационного совета медицинского округа № 3 Московской области;
с 2006 года — председатель Московской областной организации профсоюза работников здравоохранения РФ.

Автор более, чем 40 научно-методических трудов. Заслуженный работник здравоохранения Московской области. Заслуженный работник здравоохранения РФ.

Из Калужской области семья Домниковых переехала в Подмосковьё. Здесь маленький Толик пошел в первый класс, медленно привыкая к новой городской «взрослой» жизни.

Поступить в институт сразу после школы, Анатолию Домникову не удалось. Но он отступать не собирался, и отслужив в Армии, повторил попытку. На этот раз цель была достигнута. В 1982 году он стал студентом 2-ого МГМИ им. И.М. Сеченова

были никакие загородные пионерские лагеря. Мне надо было приехать в родные места, окунуться в ту среду, в которой я прожил до семи лет. Бабушка и дедушка были одними из самых близких моих людей, наверное, даже ближе, чем родители. Ведь что человеку надо в первую очередь? Наверное, любовь. Родители требуют, понятно — воспитательный процесс. А бабушка с дедушкой просто любят — и всё, и ты просто любишь в ответ.

— Трудно было маленькому мальчику в такой непривычной ситуации? Новый город, незнакомые люди, а тут еще и в первый класс надо идти учиться, тоже новое, непривычное занятие?

— Думаю, в школу хочется пойти любому ребенку, ведь никто же не осознает, чем все это закончится (улыбается). И я хотел. К тому же у меня была неплохая подготовка! Я рос вместе с моей тетей, которая была всего на шесть лет старше меня. Мы вместе с ней учили стихи, которые ей задавали в школе. И я запомнил их гораздо быстрее нее. Так что вроде бы страха у меня не было. Понимал, что буду нормально учиться. Но потом, конечно, осознал, какая это серьезная и ответственная работа — учеба.

Мне всегда больше нравились гуманитарные науки, особенно история. У нас сначала был замечательный преподаватель, который буквально заразил нас историей древних цивилизаций, так красиво он все это рассказывал. А потом его сменила его же старшая сестра. Вроде бы люди из одной семьи, но совершенно разные — по подходу, по мироощущению, что ли. Нет, рассказывала она тоже талантливо, но при этом ненавидела детей. Причем по мере нашего взросления она все хуже относилась именно к мальчикам. У этого преподавателя мальчик не мог получить оценку выше тройки. Ну а если в любом случае ты получишь удовлетворительно по предмету, так зачем его вообще учить, стараться? Так история для меня стала и любимой, и нелюбимой одновременно.

— А другие, внеурочные, скажем так, занятия? Музыкальная школа, например...

— Музыкальная школа — да! Не миновала меня чаша сия. Я не могу сказать, что у меня нет музыкального слуха, но вот в отношении выбора музыкального инструмента наши с отцом желания категорически не совпали. Он в юности учился играть на баяне и потом почему-то решил, что и

я должен пойти по его стопам. А мне, если честно, этот баян был совершенно не нужен! Но мое сопротивление было подавлено. Сначала преподаватель приходил к нам домой, а потом я еще пару лет промузился в музыкальной школе. Но когда попросился, наотрез отказался ее посещать.

Так что сейчас на баяне я не сыграю. А вот игру на гитаре мы с друзьями, став подростками, освоили уже самостоятельно. Аккорда три-четыре, не больше, но, весьма довольные собой, могли брэнчать популярные песни. А главное, что гитаристы нравились девочкам (улыбается)! Потом мы даже создали школьный вокально-инструментальный ансамбль, где я по большей части был солистом, так как пел лучше других.

— А спортом увлекались?

— Спорт всегда был для меня отдушиной. Я занимался всеми его видами, которые в то время были доступны в нашем городе. И довольно успешно. Доказательством тому многочисленные медали, которые я храню. Но все-таки большие способности у меня проявились в легкой атлетике. Есть такой вид спорта — спринт, требующий быстрой реакции, быстрого старта. Наша команда была сильной и не раз выигрывала первенство по

Московской области. Спринтом я продолжил заниматься и после школы, ну а потом, в армии, попал в 57-ю спортивную роту ордена Ленина Московского военного округа. Мы серьезно занимались спортом, выступали на первенстве Вооруженных сил, занимали призовые места.

В общем, мальчиком я рос спортивным, и эта подготовка однажды буквально спасла мне жизнь. Дело было после девятого класса, в трудовом лагере. Я был комиссаром отряда, ответственность понимал, но и пошалить все равно хотелось. Как-то раз мы с друзьями дежурили по кухне, и нужно было помыть огромные, 200-литровые, котлы. Притащили мы их на водохранилище, рядом с котлым располагался лагерь, помыли. А потом принялись баловаться: надевали эти котлы сверху — и в воду. Котел тебя держит, сохраняя воздух, а ты висишь на нем и кричишь. Красота! Но неожиданно мимо проплыла моторная лодка. Я из-под котла вынырнул и понял, что от берега меня отнесло довольно далеко. Дна под ногами нет, а в котел уже набралась вода, и я, не успев даже сообразить, что произошло, оказался на дне вместе с этим котлом. Думаю, если сейчас потеряю его, ребята скажут: ничего себе

комиссар. Значит, надо как-то и самому выплыть, и котел вытащить. В общем, тащил я его, как утопленника. Благо здоровья было полно. Добрался до берега, и тут почувствовал, что чудовищно устал.

«Я ПОМНЮ ИХ ЛИЦА»

— После службы в армии не было желания продолжить спортивную карьеру?

— Нет, после армии я поступил во 2-й медицинский институт и понял, что нужно выбирать что-то одно. И выбрал медицину. Я ведь, честно говоря, пытался поступить в вуз сразу после школы, но перезанимался, перенервничал и отказался отвечать по билету на экзамене по химии. Так что потом была уже вторая попытка. Тем более что далеко от спорта я уходить не собирался. Тогда во 2-м меде планировали организовать кафедру спортивной медицины, и именно этим направлением мне хотелось заниматься профессионально. Но кафедру не открыли, и я выбрал педиатрию.

— Почему именно медицина?

— Видимо, по наследству, потому что потом выяснилось, что мой отец до своего института хотел поступать именно в медицинский. К тому же мне всегда нравилась био-

Активная жизненная позиция и профессионализм Анатолия Домникова были оценены на самом высоком уровне. Указом президента РФ от 11 июля 2019 года он был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Награду вручил губернатор Московской области Андрей Воробьев.

логия, я ее чувствовал, было интересно. И не ошибся в выборе: я учился и впоследствии работал врачом с большим удовольствием. Трудно было первые пару лет, когда приходилось зубрить базовые науки. Вот это, конечно, жуть и тихий ужас. А все остальное, что связано с медициной, проходило «на ура». И даже

«анатомичка», которую многие боятся. Помню случай: были мы в Морозовской больнице на вскрытии маленького ребенка, который скончался от лейкоза. Было душно, даже жарко, и в какой-то момент одна из студенток упала в обморок. Впрочем, от совокупности всех этих факторов — смерть ребенка, духота — плохо было нам всем.

— **С распределением повезло?**

— Да, к тому времени распределение уже не было очень жестким, и выпускников старались направлять в медучреждения по месту жительства. А так как я жил в Подмоскovie, то мне было предложено несколько клиник в Московской области на выбор. Одной

из них был МОНИКИ им. Владимирского, где я и получил ординатуру по общей педиатрии. А МОНИКИ — это такой интересный институт, состоящий сразу из трех звеньев: лечебная, научная и учебная деятельность. Поэтому сначала я попал туда как ученик, ординатор, а потом меня оставили работать в штате. И я работал во всех качествах: врачом, младшим и старшим научным сотрудником, ассистентом кафедры и в итоге — заведующим отделением. Защитил кандидатскую диссертацию. А потом моя жизнь круто изменилась.

Дело в том, что нас довольно часто привлекали к разработке программ областного Минздрава. Мы работали

совместно с сотрудниками детского управления Минздрава, знали друг друга хорошо. И после защиты диссертации меня пригласили на работу главным педиатром Московской области. То есть тогда на меня буквально грохнулась вообще вся педиатрия Подмоскovie! А это просто колоссальный объем работы. Но, учитывая приобретенный в МОНИКИ опыт по всем направлениям, ужаса перед новым делом я не испытывал. К тому времени детское управление возглавляла и была заместителем министра по детству и родовспоможению **Гаяне Тамазян**. Мы были практически одного возраста, впрочем, как и большинство сотрудников управления, поэтому я

Подписание соглашения о сотрудничестве с Минской областной организацией профсоюза работников здравоохранения (председатель Александр Шамаль), декабрь, 2018 год. На фото слева: с зампредом МООП РЗ РФ Аркадием Бельцыным.

спокойно вжился в коллектив. Мы все были похожи — нам нравилось работать, творить, придумывать и реализовывать новые идеи. В общем, было очень интересно, здорово было!

— **Вот вы говорите «новые идеи». Речь идет о новых программах в сфере здравоохранения?**

— И о новых программах в том числе. Например, тогда довольно модным было введение различных школ: школа сахарного диабета, школа бронхиальной астмы и так далее. Смысл в том, что пациент с подобными заболеваниями должен не хуже врача разбираться в своей болезни. И тогда она не повлияет на продолжительность его жизни. Мы сами разрабатывали эти программы, привлекали специалистов, делали методические материалы. Но это было лишь частью реализации задачи. А потом нужно было приезжать в поликлиники, убеждать руководство и специалистов, что помимо основной работы необходимо

еще и обучать пациентов. Многие на нас смотрели, как на идиотов: «Что это вы тут придумали? Я всю жизнь так работаю, и не надо ничего менять».

Кроме того, мы развивали новые методы лечения. Я, например, защищался по хроническим гепатитам и циррозам у детей. Но и тут были свои сложности. Ты нашел новый метод лечения, хочешь его применять. А значит, на это нужно выбивать деньги. Для чего, в свою очередь, нужна грамотно написанная программа. Вот такая цепочка. Дело было в середине 1990-х годов, экономическая ситуация в области, как вы понимаете, была совсем не простой. Какие-то вещи нам удалось сделать, что-то не получилось. Помню, мы тогда никак не могли пробить детские реанимобили. Сложность заключалась в специфике: если ребенка перевозить откуда-нибудь, должен быть кувез (приспособление с автоматической подачей кислорода и

поддержанием температуры. — **Н.К.**), а в то время кувезы были только зарубежного производства. И даже если ты их закупишь, нужно еще и приспособить к нашей машине, перетаскивать, подключать. К тому же необходимо подготовить ребят, которые с этим кувезом умели бы работать, потому что у нас такой техники просто не было. В общем, море работы, но очень интересной!

— **Анатолий Иванович, а первого своего пациента вы помните?**

— Был в моей практике один яркий случай. Опытная медсестра во время статуса бронхиальной астмы (тяжелое состояние в результате приступа. — **Н.К.**) у ребенка прибегает и говорит: «Я не могу попасть в вену, доктор, давайте помогайте!» А доктор, вообще-то говоря, довольно редко делает такие вещи. И я был далеко не профессионал в этом вопросе. Но ребенок задыхался, у медсестры был явный стресс, и я понимаю, что по-

пасть в вену надо срочно. В таких случаях накачивает ответственность, ты должен — и делаешь без осечек. Потом медсестра спросила меня, где я так хорошо научился попадать в вену. А я нигде этому не учился и делал такой укол, может, раз пятый-шестой в жизни.

Было много пациентов, которым удалось помочь, но, к сожалению, не гепатологическим. По той простой причине, что хронический гепатит и цирроз печени — тяжелейшие заболевания, которые лечатся очень-очень плохо. И сказать, что ты человека вылечил, невозможно, особенно если цирроз возник в детском возрасте. Ты понимаешь, что можешь лишь отсрочить уход этого ребенка. Но мы искали варианты лечения, применяли, лечили, страдали и умирали душой вместе с детьми, когда они погибали. Вспомнить каких-то ребят по фамилии сейчас не смогу, а вот лица — помню...

Или грудные дети с сердечной патологией, с пороками сердца. Мы должны были попытаться их подготовить к операции, если она вообще была возможна. Особенно если ребенок не отвечает на терапию или истощен. Тогда — почти стопроцентно летальный исход. Эти детки зачастую у нас уходили. Ты стараешься его реанимировать, делаешь укол адреналина в сердце... Их уход ужасно отражается на тебе. Потому что, как бы ты ни понимал, что это бесперспективно, но ты стал последним человеком, который пытался помочь — и не смог... — **Как потом выходили из стресса?**

— Да никак не выходили — как тут выйдешь! С помощью водки? Да какая там водка, когда ты после этого должен пойти и как-то сообщить родителям о том, что произошло. Второе — ты должен потом обязательно присутствовать на вскрытии умершего ребенка. Тоже весьма не-

простая задача, потому что это маленький человек, которого ты лечил, ты видел его живым, видел его улыбки и страдания. Это уже совсем другой эмоциональный окрас. А после этого ты еще должен бежать на какую-нибудь другую работу — и что? Будешь дышать на больных перегаром? Нет. Поэтому стресс мог уходить корнями довольно глубоко. Наверное, спасались молодостью и тем, что загружали себя какой-то другой работой. Но все равно было очень тяжело. Потом и трудно заснуть, все время просыпаешься, вспоминаешь...

«НАСЛЕДСТВО» ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

— **Честно говоря, я вижу определенную закономерность в том, что вы выбрали для себя профсоюзную работу. По моему убеждению, только человек, обладающий**

На Международной конференции по развитию информационных технологий, организованной МООП РЗ РФ. Выступает — председатель Профсоюза работников здравоохранения г. Москвы Сергей Ремизов. На фото слева — с председателем Союза «Московское областное объединение организаций профсоюзов», депутатом Госдумы РФ Валентиной Кабановой.

ответственностью и способностью сопереживать чужому горю, ну, и знанием отраслевой «кухни», может заниматься этой деятельностью. Иначе — бессмысленно. Но мне интересно, как вы решились так резко изменить свою профессиональную жизнь?

— В профсоюз я попал случайно. Правда, еще во время работы в МОНИКИ я попал в местный комитет комсомола, а потом и возглавил его. И эта работа была теснейшим образом связана с деятельностью профорганизации. Помню, когда было сдано общежитие института, мы вместе с профкомом занимались заселением курсантов из дальних регионов и наших сотрудников. Наверное, это был первый раз, когда я так тесно соприкоснулся с профсоюзной работой. Но вплотную занялся ею гораздо позже. Дело в том, что моя профессиональная судьба менялась стремительно. Проработав в Минздраве области около года, я ушел. Вернее, меня перекупили (улыбается).

— Какой же аргумент привел ваш новый работодатель, чтобы вы отказались от такой интересной, а главное, любимой работы?

— Все очень просто. Я был довольно молодым человеком, нужно было решать квартирный вопрос. И тут к министру здравоохранения области является глава Мытищинского района **Анатолий Константинович Астрахов**, которому кто-то про меня рассказал. Приходит и говорит: «Я хочу забрать Домникова». Министр знал, что у меня квартирные проблемы, и, хотя я был нужен на прежней работе, решил меня «отдать». Но не просто так, а за квартиру, о чем и сообщил Астрахову. И я получил ключи от квартиры в первый же день, когда пришел на новую работу — начальником отдела, а потом и управления здравоохранения в администрации Мытищинского муниципального района. У меня началась совершенно другая эпоха, многому приходилось учиться буквально на лету.

— Вроде бы, учитывая ваш прежний опыт, сложностей возникнуть не могло.

— Да, имелся опыт, и в разных направлениях работы. Но вот управленцем я был неподготовленным. Ведь нужно было разбираться не только в своих профессиональных вопросах, но и в вопросах финансирования: из них процентов на 90 состоит работа управленца. И вот эту экономическую составляющую мне пришлось осваивать на ходу. Но ничего, выплыл и проработал в Мытищах девять с половиной лет. И здесь нам тоже удалось сделать многое. Тогда здравоохранение было муниципальным, и финансирование шло из бюджета района. В моем ведении оказалось около 30 лечебных учреждений с клубком застарелых проблем. Вот такое «наследство» я получил.

— Я так понимаю, что главной проблемой была нехватка финансовых средств?

— Да, дефицит средств был страшнейший! А каждое медучреждение требует помощи в своих нуждах. Сменился и ориентир. Если раньше приоритет в финансировании был у больницы, у хирургических отделений,

то потом по всей стране прошел девиз: даешь развитие первичного звена! А значит, большую часть средств необходимо было вкладывать в поликлиники. Это повлекло за собой очередной перекос — в ЦРБ началась нехватка не только лекарств и медоборудования, денег не хватало даже на нормальное питание пациентов.

А в 1998 году, как вы знаете, случился финансово-экономический кризис. Одним из ярких впечатлений того периода стала встреча с журналистами какого-то центрального телеканала, приехавшими в нашу ЦРБ. Они меня спрашивают: «Как вы тут дурководились до того, что у вас в больнице только два взаимоисключающих продукта — молоко и огурцы?» А все было просто: эти продукты поступали к нам по взаимозачету, потому они и были, а всего остального не было.

— Да уж, ситуация практически патовая...

— Да. И ее надо было исправлять, а для этого одного меня, конечно же, было недостаточно. Поэтому я собрал команду отличных специали-

стов — действительно классную команду единомышленников (со многими из коллег я дружу до сих пор). И нам удалось сделать многое. Мы стали на самом деле одним из лучших управлений в Подмосковье, и тогдашний министр здравоохранения зачастую привлекал нас к работе в экспертных группах по различным вопросам, к примеру, к разработке проекта создания медицинских округов в регионе. И потом я работал уже не только начальником управления здравоохранения Мытищинского района, но и всего Северо-Восточного округа региона. А это почти миллион человек! И через какое-то время министр предложил мне на выбор две должности: своего первого заместителя или руководителя областного комитета отраслевого профсоюза.

Случилось так, что практически вместе с предложением я почти получил инфаркт. Его удалось предотвратить, но, зная специфику работы в министерстве, я реально опасался за свое здоровье. Подумал, что в профсоюзе рисков будет гораздо меньше,

и выбрал обком. Тогда я сталкивался с профсоюзом только на уровне Мытищинского горкома и даже не представлял, насколько ошибался!

СЛОВО О ПРОФСОЮЗЕ

— Какими же стали ваши первые впечатления на новом месте?

— Что я попал в болото. Возникло такое впечатление ото всего: от некоторых сотрудников и их методов работы, от их усталости и неверия в то, что делают. Все бросив, я обложился литературой, пытаюсь понять, сколько еще просуществует эта организация. Но потом понял, что профсоюзное движение — штука действительно сильная и живучая, организация просто нуждается в реанимации. Чем я и занялся.

Было непросто. Да, я пришел в обком с навыками командной работы, но и с определенной категоричностью в суждениях: «Не делаешь свою работу — уходи!» А когда я понял, что работаю не столько с чиновниками, сколько с общественниками, то осознал, что здесь шашкой махать

Традиционный Зимний спортивный фестиваль, организованный Московским областным комитетом профсоюза работников здравоохранения РФ, Орехово-Зуево, 2018 год.

нельзя. Ведь многие профлидеры на местах выполняют свою работу на общественных началах. А значит, нужен другой подход в работе с ними.

— **Что для вас было самым трудным в тот период?**

— Самым трудным было изменить именно психологию профсоюзных работников, их неверие в завтрашний день организации. Ведь на тот момент они даже перестали встречаться с коллективами работников, потому что не знали, как отвечать на вопросы людей.

Я вообще человек такой, что всегда должен сначала себя убедить в том, что то, что я делаю, правильно. Если не убедил — я за это дело не берусь вообще. А когда через два месяца я изучил аспекты своей новой работы и убедился, что профсоюз — организация с будущим, то начал думать, как вновь активизировать работу, — всё, точка. И после этого я начал свою эту убежденность вдыхать и в старых сотрудников, и в новых.

Сначала мы поставили целью убрать эту позорную ситуацию, которая часто возникала в коллективах даже с высоким уровнем профсоюзного членства. Я говорю о вопросе, который на встречах с людьми регулярно поступал из зала: «А что, профсоюз еще существует?» Нам необходимо было всеми способами рассказывать о деятельности профсоюза, и мы стали развивать информационную работу. А вместе с ней и другие направления деятельности обкома, создав коллектив настоящих профессионалов, способных ответить на все вопросы, которые возникают на местах.

— **А пробиться с профсоюзной информацией в общественно-политические СМИ весьма не просто...**

— Это мы поняли сразу же — ни радио, ни ТВ наши темы не интересны вообще, и за возможность выступления в СМИ нужно платить. Мы вынуждены были заложить определенное количество денег профбюджета на эти цели. Я выступал на радио, на региональном телевидении, в общем, рас-

сказывал о деятельности профсоюза со всех доступных площадок. Я бросался на всё, даже на варианты, когда профсоюз просто упоминался, пусть даже в отрицательном ключе. Было важно, чтобы профсоюз звучал. И постепенно в медицинских коллективах Подмосковья вопросы о существовании профсоюза стали задаваться все реже, а потом и прекратились. Я использовал все-все свои прежние контакты. Единственно чего я не применял — так это административного давления. Никогда. Потому что мне казалось, что вопрос о том, состоять ли в профсоюзе, человек должен решать самостоятельно. В итоге нам удалось не только популяризировать организацию в регионе, но и сохранить и в итоге приумножить количество членов профсоюза.

— **Анатолий Иванович, в сфере здравоохранения вы смогли поработать в совершенно разных направлениях. Врач, чиновник, профлидер...**

— Думаю, вы хотите спросить, какая работа мне нравилась или нравится больше?

— **Да, вы правы.**

— Я помню, что, когда я перешел на работу в Мытищи, Анатолий Константинович Астрахов мне сказал: «Тебя характеризуют как хорошего врача, сейчас же ты будешь чиновником. Ты отдаешь себе в этом отчет?» — «Я отдаю себе в этом отчет, но давайте я попробую, а там посмотрим», — отвечал я. Но еще три года, уже будучи управленцем, продолжал совмещать эту работу с работой врача. Потом, получив определенный опыт и второе высшее образование, я понял, что мне интересна эта новая моя ипостась. Я могу, реально могу повлиять на ситуацию в отрасли, исправить ошибки, решить проблемы. Но и о врачебной практике я всегда вспоминаю с теплотой.

Профсоюзная работа более академична. Здесь в большей степени нужно быть дипломатом. Да, другая динамика развития, и отдача тоже другая, но эта работа тоже помогает решать проблемы людей.

Так что я не знаю, какая работа лучше, мне они нравятся все. И уверен, что сейчас могу продолжить трудиться в любом качестве. Я смогу быть и хорошим врачом, и хорошим управленцем.

О ВКУСЕ ЖИЗНИ

— **Анатолий Иванович, заканчивая нашу встречу, позволю себе задать несколько вопросов личного характера. О хобби, о том, что вы любите делать в свободное от работы время.**

— Некоторое время назад я вспомнил свое спортивное прошлое, хожу в спортзал и бассейн. Когда начинал, думал, не сдюжу. А потом — ничего, втянулся. Так сказать, стараюсь поддерживать форму и в то же время отлично переключаюсь и расслабляюсь — это работа на даче. Что-нибудь вскопать, приколотить, полить. А вот прежняя страсть к рыбалке и лесу куда-то ушла...

— **Ваши дети пошли по вашим стопам?**

— У меня два сына. Старший долгое время не мог определиться, но в результате стал чиновником, работает в Орехово-Зуевском управлении образования. Ему нравится, и он довольно успешный человек, я очень рад за него. Младший сын пошел по моим стопам, работает врачом-рентгенологом в МОНКИ. Кстати, моя супруга — тоже медработник, представитель действительно серьезной профессиональной династии. В общей сложности, с учетом меня и сына, у нас получается больше 200 лет стажа! По этому поводу нас даже награждали в какой-то номинации.

— **Столько всего в жизни сделано, достигнуто. О чем мечтается на будущее, чего хочется в рабочем и в личном?**

— Ничего особенного не хочется. Хочется, чтобы такое состояние, такая работа продолжалась как можно дольше. Я вкусно работаю и вкусно живу. Мне нравится. Мне все это нравится.

Беседовала Наталья КОЧЕМИНА